

ФИЛОСОФИЯ | PHILOSOPHY

УДК 141(430)
doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.09
5.7.2.

«Принцип надежды»: предисловие¹

Эрнст Блох

Аннотация. В статье представлен перевод отрывка из введения к знаменитой работе Эрнста Блоха «Принцип надежды». Автор формулирует исходные вопросы и свою методологическую позицию для исследования феномена надежды. Во введении обозначены основные проблемы изучения надежды в европейской философии. Вводятся ключевые понятия философии Блоха – Еше-Не-Осознанное, Новум, Фронт. Раскрывается роль марксизма в обосновании философии надежды.

Ключевые слова: надежда, дневные мечты, будущее, марксизм

Для цитирования: Блох Э. «Принцип надежды»: предисловие / пер. с нем. С. Е. Вершинина // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 4. С. 113–119. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.09.

The Principle of Hope: the Foreword

Ernst Bloch

Abstract. This article presents a translation of an excerpt from the introduction to Ernst Bloch's renowned work, *The Principle of Hope*. The author formulates the initial questions and outlines his methodological position for the study of the phenomenon of hope. The introductory section presents an overview of the principal challenges associated with the study of hope in the context of European philosophical thought. The fundamental tenets of Bloch's philosophical system are presented, including the concepts of the "Not-Yet-Conscious", the "Novum," and the "Front." The role of Marxism in providing the philosophical groundwork for the concept of hope is illuminated.

Keywords: hope, daydreams, the future, Marxism

For citation: Ernst Bloch. *The Principle of Hope: the Foreword*. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(4):113-119. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.09.

¹ Bloch E. Werkausgabe : in 16 Bdn. Bd. 5 : Das Prinzip Hoffnung : in 5 Teilen. Kapitel 1–32. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1985. S. 1–9.

Перевод с немецкого языка: Сергей Евгеньевич Вершинин, д-р филос. наук, профессор кафедры философии и культурологии Уральского государственного горного университета (Екатеринбург, Россия).

Редактор перевода: Татьяна Анатольевна Круглова, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Департамента философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Кто мы? Откуда мы пришли? Куда идем мы? Чего ожидаем мы? Что ожидает нас?

Многие люди находятся в замешательстве. Почва колеблется, они не знают, почему и отчего. Их состояние – страх, а если он становится более определенным, то это уже боязнь...

Однажды кто-то вытащил и распространил мысль о том, что надо учиться бояться. Это легче удавалось в недавно прошедшем времени, это искусство оказалось полностью освоенным. Однако сейчас важным для нас... является более адекватное чувство.

Речь идет о том, чтобы научиться надеяться. Труд надежды самоотвержен, он влюблен в свершение, а не в крушение. Надежда, находясь над боязнью, ни пассивна, как боязнь, ни закрыта в Ничто. Аффект надежды исходит из самого себя, он делает людей широкими, а не сужает их, может не знать достаточно о том, что делает ее внутренне нацеленной, с чем она может быть соединена снаружи. Работа этого аффекта требует таких людей, которые забрасывают сами себя в Становящееся, к которому они принадлежат. Эта работа не выносит собачьей жизни, чувствующей себя только пассивно заброшенной в непросматриваемое, почти жалобно признаваемое существование. Работа против жизненного страха и махинаций боязни – это работа против их создателей, по большей части видимых, и она ищет в самом мире то, что может помочь этому миру, и находит.

Как многообразно во все времена мечталось о лучшей жизни, которая могла быть возможной! Жизнь всех людей пронизана дневными мечтами, одна часть из которых является лишь пошлым, успокаивающим бегством, добычей мошенников, однако другая часть возбуждает, заставляет не мириться с Наличным, но и не отказываться от него. Эта другая часть содержит надежду в своем ядре, и оно поучительно. Это ядро может быть вынута из нерегулируемой дневной мечты, как и из хитрого злоупотребления ею. Это ядро может быть активировано без всякой жажды. Ни один человек не живет без дневных мечтаний, однако речь идет о том, чтобы всё лучше познавать их и тем самым держать их нацеленными – без обмана – на правое дело и помогая ему. Если дневные мечты могут стать насыщенными, то это означает, что они будут обогащены более трезвым взглядом: не в смысле незакошенности, а в смысле просветления.

Просветления не в значении просто наблюдающего рассудка, принимающего вещи, как они есть, а как участвующего в них, воспринимающего их так, как они идут и как могли бы идти лучше. Дневные мечты могли бы быть действительно более полными, то есть более светлыми, понятными и более опосредованными ходом вещей.

Мыслить означает перешагивать. Мыслить так, чтобы Наличное не было ни скрыто, ни перепрыгнуто – ни в его нужде, ни в движении из этой нужды, ни в причинах этой нужды, ни в начале перемен, вызревающих в этом Наличном. Поэтому действительное Перешагивание никогда не ведет в воздушную пустоту некоего Перед-нами (Vor-uns), просто грезя, просто абстрактно рисуя будущее. Наоборот, Новое понимается как опосредованное движущимся Наличным. Реальное Перешагивание знает и активизирует заложенную в истории, диалектически протекающую тенденцию.

Изначально каждый человек, пока он стремится к чему-то, живет будущим, прошлое наступает потом, а настоящая современность почти всегда еще не здесь. Будущее содержит либо то, чего опасаются, либо то, на что надеются; согласно человеческой интенции, то есть без срыва, будущее содержит только то, на что надеются...² Функции и содержание надежды непрерывно переживаются, а во времена поднимающегося общества они непрерывно действуют и расширяются. Во времена нисходящего, старого общества – как сегодняшнего западного – частичная и прошлая интенция направлена только вниз. Тогда у тех, кто не выбирается из упадка, возникает боязнь перед надеждой и противление ей. Тогда боязнь принимает вид субъективистской маски, нигилизм – вид объективистской маски феномена кризиса: кризиса терпимого, но темного, оплаки-

² В тексте у Э. Блоха вместо существительного снова прилагательное, аналога которому нет в русском языке: Erhoffte – это «надеемое», желаемое (*примеч. переводчика*).

ваемого, неповоротливого. А разворот на буржуазной почве, в условиях наступившего упадка, невозможен даже тогда, когда его желали бы (хотя этого не может быть).

Да, буржуазный интерес хотел бы вовлечь... любое направленное против него движение в пользу собственного крушения, так делается, чтобы ослабить и будущую жизнь, и собственную агонию... Безвыходность буржуазного бытия распространяется на человеческую ситуацию вообще, на все бытие. В длительной перспективе это напрасно; буржуазное пустое Ставшее так же эфемерно, как класс, который в нем высказывается, и так же беспринципно, как иллюзорное существование собственной плохой непосредственности, которой этот класс присягнул. Сама безнадежность во временном и в предметном смысле есть самое Непереносимое, совершенно невыносимое для потребностей человека. Поэтому даже обман – для того чтобы действовать – должен работать с лъстиво и искаженно возбуждаемой надеждой. Поэтому и надежда – с запираем в простом Внутреннем или с утешением в Потустороннем – снова и снова проповедуется со всех церковных кафедр. Поэтому даже последние убожества западной философии не в состоянии преподнести свою философию убожества без закладывания в ломбард преодоления, перешагивания.

Это означает, что человек... сущностно определяется будущим, однако с цинично-заинтересованным, гипостазированным из собственного классового положения значением, заключающимся в том, что будущее будет вывеской ночного бара, ведущего к безнадежности, а определением человека будет Ничто. И теперь: пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Начинаясь день еще слышит в затягивании, которое ему навязывает длаящаяся ночь, другое, нежели давящие, нигилистические погребальные звуки.

Пока человек находится в беде, его частное и публичное бытие пронизано дневными мечтами; мечтами о лучшей жизни, лучшей, чем была до сих пор. В неподлинном, как и гораздо больше в Подлинном, каждая человеческая интенция накладывается на эту основу. И даже там, где основа, как это часто было прежде, полна замков на песке и химер, могла вводить в заблуждение, она – посредством исследования объективных тенденций, субъективных интенций – могла быть при необходимости очищена. *Corruptio optimi pessima*³: мошенническая надежда является одной из самых больших злодеек и ослабительниц человеческого рода, а конкретно-подлинная надежда является его самым серьезным благодетелем. Знающе-конкретная надежда субъективно врывается сильнее всего в боязнь, объективно прилежнее всего направлена на ликвидацию причин боязни. Она это делает вместе со знающим толк недовольством, относящимся к надежде, поскольку они оба происходят из «Не», превращающегося в нехватку.

Мыслить – значит перешагивать. Вероятно, до сих пор перешагивание не находило слишком точно свое мышление. Или, когда оно находило его, то это были слишком плохие глаза, которые не видели предмета. Ленивый эрзац, быстро копирующее замещение, свиной пузырь реакционного и схематизирующего духа времени – все они вытесняли Обнаруженное.

Маркс характеризует осознание конкретного перешагивания как поворот (*Wende*). Однако вокруг этого поворота сложившиеся привычки мышления жестко цепляются за мир без Фронта. Здесь находится не только человек, здесь находится и понимание его надежды в беде. Направленность на цель не слышна в его предвидящем звучании, объективная тенденция не распознана в своем предвидящем могуществе. Желание (*Desiderium*) – единственное честное свойство человека – является неисследованным. Еще-Не-Осознанное, Еще-Не-Ставшее, наполняющее смысл жизни всех людей и горизонт всего бытия, не схвачено даже словом, не говоря уже о понятии. В современной философии эта цветущая область вопросов остается почти беззвучной. Мечты о будущем, как говорит Ленин, не отрефлексированы, подчеркиваются, скорее, спорадически и не доходят до соразмерного им понятия.

³ Коррупция лучших – худшая (лат.) (примеч. переводчика).

Ожидание и Ожидаемое – в субъекте и в объекте – Поднимающееся в целом не становилось аспектом мира, тем более центральным – вплоть до Маркса... Огромное количество утопического в мире... отчетливо почти не выявлено. Из всех особенностей незнания эта является одной из самых примечательных. Марк Теренций Варрон в своей первой попытке создания латинской грамматики позабыл будущее время (*Futurum*) и до сегодняшнего дня философски это почти не оценено адекватно⁴. Это означает: преимущественно статическое мышление не называет и не понимает это свойство и все время запирает его в готовое Ставшее. Наблюдающее знание является по определению единственным знанием наблюдаемого, а именно прошлого, и над Не-Ставшим оно создает свод законченных формальных содержаний из Установившегося. В результате мир – даже там, где он понимается исторически, – является миром повторения, или большого Всегда-Снова; это дворец предопределенностей, как это называл Лейбниц, без возможности вырваться из него. Событие становится историей, познание – воспоминанием, праздничность – торжеством Ставшего. Так поступали все предшествующие философы, с их формой, идеей или субстанцией, полагаемой как готовое сущее, даже у постулирующего Канта, даже у диалектического Гегеля. Тем самым был испорчен аппетит физической и метафизической потребности, особенно ей были отрезаны пути к находящемуся вовне – не только буквальному – насыщению. Поэтому надежда, со своим позитивным коррелятом, еще не законченной определенностью бытия, не появляется в истории науки ни как психическая, ни как космическая сущность и меньше всего как функционер еще никогда не существовавшего возможного Нового.

Поэтому в этой книге⁵ делается особенно обширная попытка привести философию в надежду, как место в мире, которое обжито, как лучшая культурная страна, и не исследована, как Антарктида. Это делается с опорой на критическое, развитое далее содержание ранее появившихся книг автора: «Следы», особенно «Дух утопии», «Томас Мюнцер», «Наследства этого времени», «Субъект-Объект»⁶. Тоска, ожидание, надежда требуют своей герменевтики, предрассветные сумерки Перед-нами требуют своего специфического понятия, Новум требует своего понятия Фронта. И всё это на службе цели, которая через опосредованное царство возможности проложит – наконец-то критически – широкую дорогу к необходимо Подразумеваемому и останется этим несломленным ориентиром. *Docta spes*⁷, *понятийно схваченная надежда*, проясняет, таким образом, понятие принципа в мире, принципа, который никогда не покинет этот мир. Уже и потому, что этот принцип изначально был в мировом процессе, при этом философски очень долго вытеснялся из него. Хотя вообще нет никакого осознанного созидания истории, на пути которого цель была бы всем, этот путь, в хорошем смысле слова, есть утопически-принципиальное понятие, то есть это центральный путь надежды и ее содержания, достойного человека. Да, это таким образом Обозначенное находится на восходящем горизонте адекватно становящегося сознания каждой вещи.

⁴ Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н. э.) учился в Риме и в Афинах. Известны названия 74 произведений Варрона, составивших в совокупности 620 книг. Варрон занимался логикой, языком, поэзией, историей, правом и географией... Из 25 книг его главного лингвистического труда «О латинском языке» уцелело 6 (полностью – 2). В этом трактате он выражает убеждение о «трехчастном» строении речи и необходимости ее последовательного описания в трех науках – этимологии, морфологии и синтаксисе. Изложению основ этих наук и посвящен трактат (см.: Егунова Д. Языкознание в Древнем Риме // ВКонтакте : сайт. 21.12.2014. URL: https://vk.com/wall-59205372_62) (примеч. переводчика).

⁵ Имеется в виду «Принцип надежды» (примеч. переводчика).

⁶ Блох упоминает как свои более ранние работы – „Geit der Utopie“ (1918), „Thomas Muenzer als Theologe der Revolution“ (1921), „Erbschaft dieser Zeit“ (1924–1933), „Spuren“ (1930), так и появившиеся позже – “Subjekt-Objekt. Erlaeuterungen zu Hegel“ (1951). В русском переводе можно посмотреть работу «Тюбингенское введение в философию», где Блох в более краткой форме обобщил все свои основные идеи (см.: Блох Э. Тюбингенское введение в философию : пер. с нем. / Эрнст Блох ; вступ. ст. С. Е. Вершинина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. 394 с.) (примеч. переводчика).

⁷ *Docta spes* (лат.) – ученая надежда (примеч. переводчика).

Ожидание, надежда, направленность на еще не ставшую возможную – это не только фундаментальная черта человеческого сознания, но и, конкретно понятое, фундаментальное определение внутри объективной действительности в целом. Со времен Маркса больше нет возможного изучения истины и никакого реализма решения, которое могло бы обойти субъективное и объективное содержание надежды мира; это было бы наказанием тривиальностью или тупиком. *Философия будет иметь совесть завтрашнего дня, партийность будущего, знание надежды, или она не будет больше иметь никакого знания.* А новая философия, открытая Марксом, это философия нового, этой ожидающей всех нас, уничтожающей или спасающей сущности. Осознание нового есть открытость опасности и вызревающей в ее условиях победы. Его пространство есть объективно-реальная возможность внутри процесса, на путях самого предмета, где радикальные цели человека еще нигде не были обеспечены, но и нигде не были сорваны. Стремлением надежды, приводимым в движение всеми силами, остается правдивое Надеющееся (Hoffende) в субъекте, правдивое Обнадеживающее (Erhoffbare) в объекте: функции и содержание этого центрального предмета нам следует изучать.

Хорошее Новое никогда не является совсем новым. Оно воздействует далеко за пределы дневных мечтаний, которыми пронизана жизнь и наполнено искусство. Утопическое Желанное (Gewolltes) руководит всеми освободительными движениями, и все христиане знают это, со спящей совестью или остро, из мессианских глав и глав Исхода в Библии. В большой философии все же разрабатывалось переплетение имени (Haben) и не-имени, так же как это делает тоска, создающая надежду, и инстинктивное стремление вернуться домой. И это не только в платоновском Эросе, но и в далеко идущем понятии аристотелевской материи, как возможность сущности в философии Лейбница, как понятие тенденции. Надежда действует непосредственно в кантовской философии морального сознания; как опосредованная миром, она действует в исторической диалектике Гегеля. И всё же, несмотря на все эти просвещенческие патрули и экспедиции в *terram utopicam*⁸, во всех них есть Прерванное, прерванное именно наблюдением. Почти сильнее всего у Гегеля, который продвинулся дальше всех: Ставшее преодолевает Наступающее, собрание Ставших полностью препятствует категориям Будущего, Фронта, Новума. Итак, утопический принцип не может пробиться – ни в архаически-мистическом мире, несмотря на исход из него, ни в урбанистически-рационализированном, несмотря на взрывную диалектику. Причина этого такова: как архаически-мистический, так и урбанистически-рационалистический виды духа являются наблюдающе-идеалистическими, следовательно, предполагающими лишь пассивно-наблюдаемый ставший, законченный мир, включая спроецированный сверху вниз потусторонний мир, в котором отражается Ставшее. Боги совершенства здесь, идеи или идеалы там, являются в своем иллюзорном бытии точно такими же *res finitae*⁹, как и так называемые факты наличного бытия в своем эмпирическом бытии. Настоящее, процессуально открытое Будущее закрыто в любом простом наблюдении и чуждо ему. Только мышление, направленное на изменение мира, информирующее о воле к изменениям, затрагивает будущее (незаконченное пространство возникновения перед нами), но не как затруднение, а прошлое не как обязательное право на владение. Решающим является следующее: только знание как осознанная теория-практика затрагивает становящееся и тем самым решаемое, наблюдающее знание, напротив, может, по определению, касаться только Ставшего.

Непосредственным выражением тяги к Бывшему, отношения к Ставшему является в мифе самопогружение, упор на непредставимое, постоянный перевес собственно языческого, а именно астрально-мифического, как прочного обволакивания всего происходящего. Методическим выражением одинаковой связи с прошлым и чуждости будущему является в рационализме платоновский анамнезис, или учение о том, что всякое знание есть лишь припоминание. Это припоминание увиденных перед рожде-

⁸ Terra utopica (лат.) – земля утопии (примеч. переводчика).

⁹ Res finitae (лат.) – конечные вещи (примеч. переводчика).

нием идей, изначально происходившего или аисторичного Вечного. Вследствие чего сущность совпадает лишь с существовавшим, а сова Минервы вылетает только в наступивших сумерках, когда гештальт жизни уже состарился. И диалектика Гегеля, в своем окончательном «круге из кругов», скована фантомом анамнезиса и сослана в область антиквариата. Только Маркс ввел вместо этого пафос изменения как начало теории, которая не ограничивается рассмотрением и изложением. Жесткие разделения между будущим и прошлым разрушались, неставшее будущее становилось видимым в прошлом, мстящее и унаследованное, опосредованное и исполненное прошлое стало видимым в будущем. Взятое изолированно и в таком виде удерживаемое прошлое есть простая категория товара, это овеществленный факт без осознания его... продолжающегося процесса. Подлинное действие в современности происходит единственно в тотальности процесса, не завершено как вперед, так и назад, материалистическая диалектика становится инструментом для овладения этим процессом в направлении опосредуемо-завоеванного Нового. Для этого радио когда-то прогрессивной буржуазной эпохи становится следующим наследием (если вычесть идеологию, связанную с местом и растущим опустошением содержаний). Однако это радио не является единственным наследием, более того, предшествующие общества и даже некоторые мифы в них (если снова вычесть простую идеологию и сохраняемые донаучные суеверия) при необходимости предоставляют философии, преодолевшей буржуазные рамки познания, прогрессивный материал наследства, разумеется, особенно просвещающий, критически освоенный, с измененными функциями. Можно размышлять о роли цели (Куда, Для Чего) в докапиталистической картине мира или о значении качества в немеханистической картине природы.

Можно размышлять о мифе о Прометее, которого Маркс называет самым благородным святым в философском календаре. Можно размышлять о мифе о Золотом веке и о его смещении в будущее в мессианском сознании столь многих угнетенных классов и народов. Марксистская философия, относящаяся наконец-то адекватно к Становлению и к Наступающему, знает всё прошлое в его творческой ширине, потому что она не знает никакого прошлого вне живого, еще не законченного.

Марксистская философия – это философия будущего, также и будущего в прошлом: она, в этом собранном фронтовом сознании, живая, хорошо знакомая с происходящим, поклявшаяся Новому теория-практика схваченной тенденции. И решающим остается следующее: свет, в котором процессно-незаконченный Тотум отражается и формируется, называется *docta spes*, *диалектико-материалистически понятая надежда*. Основной темой философии, остающейся и сохраняющейся в ее развитии, это еще не ставшая, еще не достигнутая Родина, образующаяся в... диалектико-материалистической борьбе Нового со Старым.

Этим самым здесь ставится знак, указывающий вперед, знак, позволяющий обгонять, а не тащиться сзади. Его значение – это Еще-Не, и следует научиться его понимать. Понимать соразмерно тому, что излагал Ленин в часто хвалимом, но мало принимаемом во внимание тексте «Надо мечтать!»: «Написал я эти слова и испугался. Мне представилось, что я сижу на “объединительном съезде”, против меня сидят редакторы и сотрудники “Рабочего Дела”. И вот встает товарищ Мартынов и грозно обращается ко мне: “А позвольте вас спросить, имеет ли еще автономная редакция право мечтать без предварительного опроса комитетов партии?” А за ним встает товарищ Кричевский и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубил товарища Плеханова) еще более грозно продолжает: “Я иду дальше. Я спрашиваю, имеет ли вообще право мечтать марксист, если он не забывает, что по Марксу человечество всегда ставит себе осуществимые задачи и что тактика есть процесс роста задач, растущих вместе с партией?” От одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только – куда бы мне спрятаться.

Попробую спрятаться за Писарева. “Разлад разладу рознь, – писал по поводу вопроса о разладе между мечтой и действительностью Писарев. – Моя мечта может обгонять

естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, – тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни... Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно»¹⁰. Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении»¹¹.

Так был поставлен знак для мечтаний, устремленных вперед...

Статья поступила в редакцию | Submitted 17.04.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 26.04.2024.

Принята к публикации | Accepted 27.04.2024.

¹⁰ Писарев Д. И. Промахи незрелой мысли // Писарев Д. И. Сочинения : в 4 т. Т. 3 : Статьи. 1864–1865. М. : Гослитиздат, 1956. С. 147–149 (*примеч. переводчика*).

¹¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Изд. 5-е. Т. 6. М. : Госполитиздат, 1963. С. 171–173 (*примеч. переводчика*).